

— Не надо возносить меня до небес. О сыновней почтительности тебе стоило бы вспомнить перед моим отцом, — Е Сяои говорил спокойно, мягко напоминая дяде те самые поучения, которые изо дня в день выслушивал от бабушки. — Просто вспомни, с какими чувствами мой отец растил тебя, и с какими ты растишь меня. Этого будет вполне достаточно.

Е Сяои прекрасно знал семейную историю. В детстве Е Цай целиком и полностью висел на шее у старшего брата. Каждый кусок хлеба, что он съел, был выращен мозолистыми руками Е Су. Каждое съеденное им волокно мяса было добыто Е Су на опасной охоте в диких лесах. Пока будущий грамотей просиживал штаны за книгами, старший брат до седьмого пота гнул спину в поле, взвалив на себя всю работу по хозяйству. Даже на сдачу экзамена на звание сюэя Е Цай поехал на деньги, которые Е Су прислал со службы в армии, рискуя головой под вражескими клинками.

Именно поэтому бабушка, не чая души в Е Сяои, оберегала своего драгоценного внука, несмотря на весь его несносный характер. Мальчик оставался единственной кровью Е Су, его продолжением на этой земле.

Но Е Цай в грош не ставил маленького племянника. Долг перед покойным братом казался ему делом давно минувших дней — покойник ведь не спросит. Зачем теперь тратить на двух нахлебников, старую мать да сироту?

— Хватит чесать языком! — Е Цай презрительно хмыкнул. — Ни единого медяка вы от меня сегодня не получите.

Ткнув пальцем в лоб Сяо И, он разразился высокомерной нотацией:

— Сяо И, тебе давно пора повзрослеть. Твой отец в твои годы уже в одиночку хаживал в тайгу на крупного зверя. А ты? Плуг в руках удержать не можешь, только и горазд уличные драки устраивать да с пробитой головой по деревне шататься. Ни капли отцовской удали в тебе нет!

Юноша лишь насмешливо приподнял бровь. Этот ничтожный приспособленец ещё смеет его отчитывать? Сяо И не остался в долгу и с ходу ударил по самому больному месту дяди:

— Тебе уже за тридцать, здоровый как бык детина, а прижился в богатом доме тестя на птичьих правах, обедая чужой стол. И после этого у тебя поворачивается язык попрекать ребёнка отсутствием мужества? Если душит жаба возвращать долги родителям — так и скажи! Зачем корчить из себя праведника, оставаясь трусливым скрягой? Имей хоть каплю стыда, Е Цай!

— Мерзавец! — взревел Е Цай.

Он побагровел. Схватив прислонённую к стене увесистую палку, он замахнулся на племянника.

Бабушка тут же закрыла внука собой:

— Е Цай, не смей! Он только-только оправился от ран! У Е Су не осталось больше сыновей, кроме него. Если ты искалечишь мальчишку, как я посмотрю в глаза его отцу на том свете?!

— Отойди, матушка! Я сам проучу этого наглого негодяя ради памяти брата! — Е Цай бесцеремонно оттолкнул старуху в сторону, вновь занося дубину.

Сяо И слегка прищурился и проворно отступил на шаг.

— Каков стервец! Долг отдавать не желает, зато права главы семьи качает вовсю? Раскатал губу!

Сяо И с издёвкой хмыкнул и мгновенно юркнул обратно за спину бабушки:

— Бабуля, я прямо сейчас верну этому проходимцу всё до последнего гроша! Отрекись от него! Оформим разрыв родства у мирового судьи, иначе этот паршивец забьёт меня до смерти!

В те времена разрыв отношений между матерью и взрослым тридцатилетним сыном был несмыслимым позором. Любой судья и сосед сразу бы поняли: сын вырос неблагодарной тварью, раз довёл пожилую мать до такого отчаянного шага.

Для Е Цая, который спал и видел себя цзюйжэнем, это означало крах всей жизни. С клеймом нечестивца и неблагодарного сына путь на государственную службу ему заказан навсегда — никто не доверил бы управление уездом человеку, предавшему собственную кровь.

— Отречься?! Ах ты щенок, вздумал рассорить меня с матерью? Убью!

Словно ужаленный змеей, Е Цай с криком бросился вперед. Толстая, сучковатая дубинка со свистом рассекала воздух. Сяо И легко увернулся, и удар пришёлся по пустому месту, издав глухой, зловеющий свист. Сразу стало ясно: попади эта палка по хрупкому плечу подростка — костей бы не собрали.

В этот момент в груди пожилой женщины словно что-то оборвалось. Она решительно шагнула наперерез сыну и ледяным, дрожащим от гнева голосом отчеканила:

— Стой, Е Цай! Ты не тронешь его пальцем. Отныне он тебе никто. Мы прямо сейчас идём к уездному начальнику, чтобы навсегда разорвать наши родственные узы!

Е Цай опешил, выронив палку:

— Матушка...

— Не смей называть меня матерью! — крикнула она, наконец расплакавшись от обиды. — Собственную мать кормить отказываешься, так зачем я тебе? Закончим с этим раз и навсегда. Будем жить порознь, с глаз долой — из сердца вон!

Для неё Сяо И был живым напоминанием о Е Су. Всю вину, всю недоданную старшему сыну любовь она перенесла на этого сироту. Пытаться избить внука на её глазах — значит топтать её собственное исстрадавшееся сердце. Ради спасения Сяо И она была готова вычеркнуть младшего сына из своей жизни без малейшего сожаления.

Дубина покатила по пыльной дороге. Е Цай стоял как громом поражённый. Он никак не ожидал, что тихая, всегда уступавшая ему и заглядывавшая в рот мать решится на столь сокрушительный шаг, способный похоронить его карьеру.

Сяо И лишь злорадно усмехнулся про себя. Жалость? К этому ничтожеству? И в помине не было. Если бабушка официально откажется от сына, на Е Цая обрушится лавина общественного презрения. Зато сам Сяо И, взяв на себя заботу о престарелой родственнице, в глазах уездной знати прослывёт благородным и самоотверженным юношей.

«Что ж, если мы играем в благородство, я покажу тебе, как нужно разыгрывать эту партию».

Не теряя времени, Сяо И зычным голосом подозвал управляющего усадьбы Ван, заявив, что готов выплатить весь долг сполна.

Вскоре к воротам поспешил сам господин Ван. Помещик тактично потирал руки, ничуть не заботясь о том, что репутация его зятя трещит по швам. За те пятнадцать лет, что Е Цай протирал штаны на экзаменах, от него не было никакого толку. Ван давно пришёл к выводу, что зятю лучше бросить пустые мечтания и заняться образованием внука. Мальчику как раз исполнилось десять — самое время готовить к сдаче на сюю. Вкладывать деньги в будущее родного внука куда перспективнее, чем тащить на горбу вечного неудачника-родственника.

Глядя на растерянного и притихшего Е Цая, Сяо И решил воспользоваться моментом и преподать наглядный урок стоявшей рядом младшей сестре:

— Смотри внимательно, Сяомэй. Запомни этот день. Каким бы богатым и знатным ни оказался род твоего будущего мужа, никогда не смей отворачиваться от своей семьи. И упаси тебя небо стать похожей на этого неблагодарного глупца, позорящего родной дом. Помни: достоинство твоей семьи — это твоё собственное достоинство. Если ты сама станешь презирать свои корни, то и в доме мужа тебя будут держать за бесправную служанку. Какую бы любовь ни обещал супруг, тебе не нужно плевать в колодезь, из которого ты пила, чтобы доказать свою верность. Случись беда — новые родственники первыми вышвырнут тебя за порог. И только семья примет тебя назад. Береги её и никогда не причиняй боли тем, кто тебя вырастил. Поняла?

Е Сяомэй, привыкшая с детства быть безмолвной тенью, усердно закивала. Она робко осознала: отныне нужно во всём держаться старшего брата! С таким защитником больше не придётся терпеливо сносить обиды.

«Нищие оборванцы! — злобно размышлял Е Цай. — Да что вы можете мне дать? С какой стати мне заискивать перед голодранцами?»

Однако в следующее мгновение Сяо И небрежным жестом вытащил из рукава два увесистых золотых слитка. Золото ярко блеснуло на солнце.

Глаза Е Цая полезли на лоб от изумления. Откуда у этих нищих стариков и детей такие немыслимые деньги?

Только теперь до него начал доходить весь ужас его положения. Всегда мягкая, покорная матушка, привыкшая безропотно сносить его капризы, нанесла сокрушительный удар без криков, слёз и бабьих истерик — холодно и расчётливо. Он полагал себя непререкаемым главой рода, господином, чьё слово — закон для бесправных родственников. А теперь его драгоценная репутация, залог его блестящего будущего, рассыпалась в прах на глазах у челяди помещика Ван.

Поняв, что уговоры на матушку больше не действуют, Е Цай перевёл полный бешеной ярости взгляд на съёжившегося у ворот Ван Фацая. Вся эта каша заварилась исключительно из-за тупости этой цепной собаки! Почему этот ублюдок до сих пор дышит?

Сяо И тем временем взвесил на ладони два золотых слитка. По его меркам, этой безделицы едва хватило бы на покупку пары приличных шпилек для волос. Но для жадного помещика Вана это было целое состояние — целых два ляна чистого золота, которые без труда можно было обменять на добрых три десятка серебряных монет! За всё время Ван ни разу не расщедрился на подобную сумму для поддержки бедных родственников своего зятя. Таких денег простой крестьянской семье хватило бы на безбедное существование в течение четверти века.

Заметив, как старый Ван воодушевился, Сяо И мгновенно понял, что переплатил. Он небрежно кивнул в сторону дрожащего привратника:

— Что ж, раз уж сдачи у вас не найдётся, отдайте мне Ван Фацая в качестве компенсации. Согласны?

— Идёт! Забирай этого бездельника! — Помещик Ван, в восторге от вида золота, без малейших колебаний продал собственного слугу.

Несчастный Ван Фацай, вспомнив недавние угрозы Сяо И о кастрации, повалился в пыль, отчаянно бясь лбом о землю:

— Пощадите, молодой господин! Умоляю, не лишайте меня мужской силы! Я был дураком, псом смердящим, язык мой — враг мой! Я сам себя накажу!

И он принялся с остервенением хлестать себя по щекам. Хлёсткие удары разносились по улице, лицо слуги быстро превращалось в кровавое месиво, но он продолжал истязать себя ради спасения своего мужского достоинства.

Сяо И лишь мягко, почти ласково улыбнулся:

— Ну полно тебе.

Повернувшись к застывшему дяде, юноша произнёс с изысканной вежливостью:

— Любезный дядя Е Цай. Пусть ты проявил себя как непочтительный сын и скверный брат, закон крови обязывает меня проявить уважение к старшему. В знак признательности за твои былые труды я дарю тебе этого верного слугу. Пусть заботится о тебе, ведь твой племянник отныне избавлен от необходимости прислуживать тебе.

Этикет следовало соблюдать безукоризненно. В будущем Сяо И намеревался сдать экзамен на чжуанюаня и занять высокий пост в столице, а значит, ни одна тень не должна была омрачить его репутацию благонаправного конфуцианца.

Стоило Ван Фацаю перейти в собственность Е Цая, как новоиспечённый хозяин потерял над собой контроль. Вся нерастроченная ярость, весь стыд от публичного унижения нашли свой выход. Е Цай схватил стоявшую у забора мотыгу и с безумным воплем бросился на бывшего привратника:

— Тварь! Из-за тебя всё пошло прахом! Забью до смерти, паршивый пёс!

Сяо И весело захлопал в ладоши:

— Посмотри, бабушка! Вот теперь верю! Какая экспрессия, какой праведный гнев! Проявил наш почтенный дядя хоть каплю этого рвения чуть раньше, когда этот раб осыпал тебя бранью у ворот, разве дошло бы дело до столь печального финала?

Но этот лицемер предпочёл сделать вид, будто ничего не происходит, заставив пожилую мать и маленьких детей покорно мёрзнуть на пороге богатого дома. Он прекрасно знал, что челядь будет издеваться над бедной роднёй, и втайне считал, что они заслужили это унижение.

«Мужчина, способный вымещать злобу только на бесправных слугах, никогда не добьётся величия, — презрительно усмехнулся Сяо И. — От таких бесполезных покровителей нужно избавляться без малейшего сожаления. Сегодняшний визит превзошёл все мои ожидания».

Бабушка Е с глубоким отвращением посмотрела на беснующегося сына. Подойдя ближе, она крепко схватила его за локоть:

— Только сегодня я окончательно поняла, какого неблагодарного зверя вскормила своей грудью. Когда чужие люди поливали грязью твою мать, ты стоял в сторонке, помалкивал да пытался замять дело. Но стоило этому рабу задеть твоё собственное ничтожное самолюбие — и ты готов забить его до смерти. Я отдала тебе лучшие годы жизни, а ты ни во что меня не ставил. Не нужен мне такой сын. Мы идём к уездному судье. Немедленно!

— Матушка! Пощади! Это же убьёт меня! Погубит мою карьеру! — Е Цай упирался изо всех сил, бледнея от ужаса.

Если эта упрямая старуха действительно дойдёт до управы и официально отречется от него, он станет посмешищем для всей округи. Местные грамотеи, напыщенные книжники и суровые чиновники заплюют его за глаза за попрание конфуцианских добродетелей. О теплом местечке уездного начальника можно будет забыть навсегда.

<http://bllate.org/book/18182/1756757>